

COVID-19

© Коллектив авторов, 2021

УДК 614.2

Кулабухов Д. А.¹, Мозговая Е. И.¹, Волкова О. А.², Ананченкова П. И.³

ПАНДЕМИЯ COVID-19 КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ

¹ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», 308009, Россия, г. Белгород;

²Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы, 115184, г. Москва;

³ФГБНУ «Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья имени Н. А. Семашко» Минобрнауки России, 105064, г. Москва

Представлены результаты проекта, направленного на выявление особенностей трансформации домашнего насилия в период действия противопандемических мер. Социологическое исследование проведено на базе Старооскольской местной общественной организации «Кризисный центр для женщин, попавших в трудную жизненную ситуацию» (г. Старый Оскол, Белгородская область). В состав респондентов вошли женщины (n=46), в возрасте 20—45 лет, пережившие насилие в семье. Сбор первичной информации проводился при помощи метода полуструктурированного интервью. Проведено также полуструктурированное интервью с экспертами из числа исследователей-социологов и сотрудников кризисного центра. Установлено, что пандемия COVID-19 оказала существенное влияние на семейные взаимоотношения. В условиях вынужденной изоляции и соблюдения противопандемических мер риск возникновения домашнего насилия значительно увеличивается.

К л ю ч е в ы е с л о в а : домашнее насилие; пандемия; самоизоляция; профилактика насилия в семье.

Для цитирования: Кулабухов Д. А., Мозговая Е. И., Волкова О. А., Ананченкова П. И. Пандемия COVID-19 как фактор трансформации домашнего насилия. Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021;29(1). DOI: <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-1>

Для корреспонденции: Волкова Ольга Александровна, д-р социол. наук, профессор, аналитик Научно-исследовательского института организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения г. Москвы; e-mail: volkovaoa@rambler.ru

Kulabukhov D. A.¹, Mozgovaya E. I.¹, Volkova O. A.², Ananchenkova P. I.³

THE COVID-19 PANDEMIC AS TRANSFORMATION FACTOR OF DOMESTIC VIOLENCE

¹The Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «The Belgorod State National Research Institute: 308009 Belgorod, Russia;

²The Research Institute of Health Care Organization and Medical Management of the Moscow Health Care Department, 115184 Moscow, Russia;

³N. A. Semashko National Research Institute of Public Health, 105064, Moscow, Russia

The article presents the results of project targeted to identify specifics of transformation of domestic violence while anti-pandemic measures are in force. The sociological survey was organized on the basis of the Crisis center for women in difficult life situations (Belgorod region, Russia). The sampling consisted of 46 women aged from 20 to 45 years endured domestic violence. The primary information was collected using semi-structured interview technique. Also, semi-structured interviews of experts from among sociologists and crisis center personnel were carried out. It is established that COVID-19 pandemic significantly impacted on family relationships. The conditions of forced isolation and anti-pandemic measures observance significantly increase risk of domestic violence.

К e y w o r d s : domestic violence; pandemic; self-isolation; prevention.

For citation: Kulabukhov D. A., Mozgovaya E. I., Volkova O. A., Ananchenkova P. I. The COVID-19 pandemic as transformation factor of domestic violence. *Problemi socialnoi gigieni, zdravookhraneniya i istorii meditsini*. 2021;29(1): (In Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-1>

For correspondence: Volkova O. A., doctor of sociological sciences, professor, the Analyst of the Research Institute of Health Care Organization and Medical Management of the Moscow Health Care Department. e-mail: volkovaoa@rambler.ru

Conflict of interests. The authors declare absence of conflict of interests.

Acknowledgment. The study had no sponsor support.

Received 12.07.2020
Accepted 29.10.2020

Введение

Становится очевидным, что пандемия COVID-19 затронула все без исключения сферы жизни общества. Беспрецедентные меры борьбы с пандемией оказали влияние не только на политические и экономические процессы в мире, но и отразились на семейных отношениях. Уже в апреле 2020 г. Генеральный секретарь ООН А. Гутерреш заявил, что проблема домашнего насилия становится глобальной и касается всех стран мира. Выходом из сложившейся ситуации может стать внедрение в национальные планы борьбы с коронавирусом специальных мер,

направленных на предотвращение семейного насилия и возмещения ущерба от него [1].

Российская Федерация не является исключением. В соответствии с Указом Президента России в период с 2 апреля до 12 мая 2020 г. был установлен период нерабочих дней [2]. Во всех регионах страны был принят комплекс мер, направленный на предотвращение распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Среди них — перевод сотрудников многих сфер деятельности на удаленный режим работы, дистанционное обучение школьников и студентов, обязательная самоизоляция для пожилых людей и лиц с хроническими заболеваниями, ограничение передвижения, запрет на проведение

массовых мероприятий. Подобные ограничительные меры носили вынужденный характер и были полностью оправданны, так как их целью стала защита жизни российских граждан. Однако неожиданное изменение привычного образа жизни, ухудшение финансового положения, постоянное поступление противоречивой информации из СМИ дезориентировали многих людей и сделали их особенно уязвимыми в сложившихся обстоятельствах.

В условиях изоляции человек практически обязательно сталкивается с целым спектром эмоций: страхом за себя и своих близких, тревогой, агрессией, неуверенностью в завтрашнем дне. Справиться со стрессом привычным способом (участием в массовых мероприятиях, прогулках) в ситуации пандемии не представляется возможным. Изменение эмоционального состояния происходит у тех людей, у которых оно уже было уязвимо [3, с. 5].

В период объявления режима самоизоляции в России информация об участившихся случаях домашнего насилия стала появляться в СМИ и в официальных источниках.

В интервью Российскому агентству международной информации «РИА Новости» Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Татьяна Москалькова сообщила, что «в период с 10 апреля количество жертв насилия и случаев насилия в семье увеличилось в 2,5 раза. Если в марте таких сообщений было 6054, то в апреле таких сообщений поступило более 13 тысяч» [4]. Тревожная информация о фактах домашнего насилия после введения режима самоизоляции стала поступать и в российские кризисные центры для женщин [5]. В условиях закрытого пространства, стесненных пространствах домов и квартир риск возникновения насилия среди членов семьи значительно увеличился [6, с. 35]. Ситуация осложняется тем, что жертве домашнего насилия обратиться за помощью напрямую стало затруднительно: личный прием граждан в период изоляции был приостановлен. В силу того что агрессор находился с жертвой в одном помещении и мог контролировать каждый ее шаг, позвонить на горячую линию или воспользоваться электронной почтой было гораздо сложнее. Многие больницы приостановили оказание плановой медицинской помощи, скоординировав усилия на работе с больными COVID-19. Это значительно затруднило получение жертвой семейной медицинской помощи в экстренной ситуации [5]. Также в России практически отсутствуют координационные центры быстрого реагирования на сообщения о фактах домашнего насилия. Субъектом профилактики (по факту) являются сотрудники полиции, что затрудняет возможности ранней профилактики насилия в семье [7, с.62]. На сегодняшний день официальная статистика по фактам домашнего насилия в период пандемии отсутствует.

Таким образом, проблема домашнего насилия вызывает серьезную обеспокоенность общества. Принимая различные формы, от физического, сексуального, психологического насилия до экономической и социальной изоляции, домашнее насилие

наиболее ярко проявляется в период пандемии COVID-19. Однако проблема домашнего (семейного) насилия не является новой ни для всего мира, ни для России.

Обратимся к истории вопроса. Следуя международным нормативно-правовым актам, домашнее насилие означает все акты физического, сексуального, психологического или экономического насилия, которые происходят в кругу семьи, в быту, или между бывшими или нынешними супругами, или партнерами, независимо от того, проживает или не проживает лицо, их совершающее, в том же месте, что и жертва [8]. Среди причин домашнего насилия исследователями выделяются внутрисемейные (интимные) отношения, внешесоциальные, экономические, медицинские (вызванные тяжелыми болезнями). Главной причиной все же являются индивидуальные особенности членов семьи: особенности психики, морали, истоки которых следует искать в далеком детстве, в раннесемейных отношениях [9, с. 175].

Справедливой является точка зрения, согласно которой насилие и угроза его применения являются однородными действиями [10, с. 203]. Домашнее насилие возникает в рамках конкретной семьи и касается всех ее членов [6]. Систематически повторяющиеся акты физического, сексуального, экономического и психологического воздействия на членов семьи совершаются против их воли. Цель насильственных действий — обретение власти и контроля над близким человеком. Фактически умышленное причинение вреда здоровью, истязания, ограничение свободы, оскорбление чести и достоинства являются проявлениями «повседневного терроризма» [10, с. 21]. Женщины, пострадавшие от домашнего насилия, не всегда официально заявляют о фактах насильственных действий, что затрудняет оценку реального масштаба проблемы [11, с. 128]. Однако рассматривать проблему домашнего насилия следует шире, так как жертвой насильственных действий в семье могут стать не только женщины, но и дети, пожилые люди, инвалиды. Ухудшение физического, психического, социального здоровья членов семьи, подвергшихся домашнему насилию, является тяжелым следствием происходящего [13]. На протяжении всей жизни жертвы домашнего насилия испытывают социальные трудности, когнитивную дисфункцию, поведенческие проблемы, нарушение иммунной функции [14]. К отрицательным последствиям домашнего насилия относятся физические недомогания, обострение хронических заболеваний, депрессивное состояние, страх перед насильником [15, с. 131]. Домашнее насилие (угрозы, жестокое обращение, длительные конфликтные семейные ситуации, аморальное поведение виновного лица, систематическое унижение человеческого достоинства) становится причиной не только психологических травм, но и суицида. Следственным органам крайне сложно установить причинно-следственную связь между действием виновного лица и самоубийством жертвы домашнего насилия [16, с.22].

COVID-19

Ситуация в России существенно осложняется отсутствием закона о профилактике семейно-бытового насилия [5, с. 30]. В 2016 г. на заседании Совета Государственной Думы Российской Федерации был рассмотрен проект Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия» [17]. В рамках закона предполагалось ввести понятие «семейно-бытовое насилие», т. е. умышленное деяние (действие или бездействие) одного лица в отношении другого или других, совершенное в сфере семейно-бытовых отношений, если это деяние нарушает права и свободы человека, и (или) причиняет ему боль, и (или) наносит вред здоровью, и (или) причиняет нравственные страдания, и (или) причиняет ему имущественный вред [17]. Данный законопроект вызвал в российском обществе острую дискуссию. С точки зрения А. В. Швабауэра, данный законопроект включает в себя многочисленные антисемейные технологии, в том числе вмешательство в семью. По мнению исследователя, принятие закона будет стимулировать уклонение граждан от заключения законных браков, спровоцирует сокращение числа семей «не только через неадекватное определение понятия насилия, но и за счет формирования в общественном сознании негативного отношения к институту брака в целом» [18, с. 16]. Решение проблемы видится в активном обсуждении проблем семьи с привлечением организаций, представляющих интересы пострадавших от домашнего насилия [19, с. 534]. Отсутствие единой государственной политики, направленной в первую очередь на профилактику семейного насилия, защиту жертв насильственных действий в семье, значительно ухудшает ситуацию. Представляется, что поиск новых мер профилактики насилия в семье будет способствовать решению данной проблемы в целом и в контексте пандемии.

Материалы и методы

Исследование проведено сотрудниками Лаборатории социальных проектов, базовой кафедры региональных исследований социальной работы ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Старооскольской местной общественной организации (СМОО) «Кризисный центр для женщин, попавших в трудную жизненную ситуацию». Для выявления особенностей трансформации домашнего насилия в период действия противопандемических мер в июне-сентябре 2020 г. было проведено социологическое исследование. Методом исследования стал интернет-опрос (полуструктурированное интервью). В исследовании приняли участие 46 женщин в возрасте 20—45 лет, пережившие насилие в семье. Для поиска респондентов из числа женщин использовался метод «снежный ком». В качестве экспертов выступили исследователи-социологи, а также сотрудники СМОО «Кризисный центр для женщин, попавших в трудную жизненную ситуацию» (выборка целевая). Сбор данных также осуществляли при помощи полуструктурированного интервью. Обработку и анализ данных проводили с помощью пакета статистических

программ SPSS и при помощи метода составления сравнительных таблиц.

Результаты исследования

Опрошено 46 респондентов в возрасте 20—45 лет, обратившихся за помощью в СМОО «Кризисный центр для женщин, попавших в трудную жизненную ситуацию». Находятся в официальном браке 86% респондентов, 14% разведены. Высшее образование имеют 24%, среднее специальное — 58%, среднее — 18% женщин.

Большинство (78%) опрошенных считают, что мужчины занимают в обществе лидирующее положение и женщине трудно достичь с ними равенства. Оправдывая свое «неравное положение», участницы исследования признают за мужчинами статус «главы семьи». По мнению 66% респондентов, предназначение женщины заключается в том, чтобы «быть хорошей женой и матерью». Сочетают семейную и профессиональную сферу 68% респондентов, остальные являются домохозяйками. На вопрос «Считаете ли Вы, что в последнее время женщины стали более самостоятельными?» 28% ответили утвердительно, 42% выбрали вариант ответа «нет», 30% затруднились ответить. Позиция респондентов в отношении женского предназначения, на наш взгляд, зависит от образования, семейного, материального положения и иных факторов.

Все участники исследования ответили, что подвергались насилию в семье со стороны супруга. Физическое насилие испытали на себе 58% опрошенных, психологическое — 24%, 18% затруднились ответить на вопрос, заявив, что испытали в семье и физическое, и эмоциональное насилие.

Насильственные действия происходили в семье «несколько раз в неделю» (20%), «два-три раза в месяц» (48%), «несколько раз в полгода» (22%), «два-три раза в год» (10%).

Пытались противостоять агрессору, сопротивляться насилию 44% женщин. Среди причин неудач опрошенные называют «физическую силу мужчины» (72%), «отсутствие поддержки среди близких людей» (58%), «страх, боязнь расправы» (54%), «финансовую зависимость от супруга» (48%). В ходе исследования нами была установлена связь между наличием детей у женщины и ее готовностью терпеть насильственные действия. Имеют детей 78% опрошенных, и «желание, чтобы дети воспитывались в полной семье», а также боязнь «остаться одной с детьми» являются основной причиной терпения насильственных действий.

Основными причинами возникновения домашнего насилия, по мнению респондентов, являются «безработица, социальная неустроенность» (36%), «материальные проблемы в семье» (48%), «алкоголизм супруга» (32%), «низкий уровень культуры» (18%), «плохие жилищные условия» (20%), «генетическая предрасположенность к насилию» (34%), «неблагополучие в собственной семье, негативный пример родителей» (26%), «вмешательство родственников в жизнь семьи» (14%).

Большинство (64%) респондентов считают, что закон «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» необходимо принять, однако затрудняются с перечислением основных его положений.

Необходимо отметить, что в период «режима самоизоляции» положение респондентов значительно ухудшилось. Показателен тот факт, что 8% опрошенных впервые столкнулись с проявлениями домашнего насилия именно в период принятия противопандемических мер.

Участники исследования заявили, что в период самоизоляции их семьи испытывали финансовые затруднения, повысился уровень страха за себя и своих близких, появилась «растерянность, непонимание происходящего». Состояние «близкое к панике» испытали 52% респондентов. Возникновение кризисных ситуаций в семье в данный период респонденты связывают с «вынужденной изоляцией, ее неожиданностью» (68%), «постоянным нахождением с супругом в закрытом пространстве» (62%), «негативными новостями о коронавирусе из СМИ, противоречивыми сведениями о пандемии» (58%), «долгими нерабочими днями» (36%) и даже «потерей работы» (14%). Стресс, который переживали респонденты до объявления пандемии, усилился во время вынужденной изоляции, что актуализировало проблему оказания психологической помощи жертвам домашнего насилия.

Участники исследования заявили, что в период проведения противопандемических мер они нуждались в медицинской (34%) и юридической (42%) помощи. В режиме самоизоляции им было сложно обратиться за помощью в полицию, в органы социальной защиты, позвонить на горячую линию для жертв семейного насилия или сообщить друзьям в социальных сетях. Причиной этого стало «постоянное нахождение в закрытом пространстве с мужем, тотальный контроль с его стороны» (56%). Кроме того, 44% респондентов отмечают «отсутствие информации о кризисных центрах в регионах, видах помощи жертвам домашнего насилия».

По мнению большинства (96%) экспертов, в первую очередь жертва домашнего насилия должна владеть достаточной и четкой информацией о помощи, которую она может получить со стороны государства, общественных организаций. Отсутствие необходимой информации делает жертву насилия в семье особенно уязвимой.

Обеспечить безопасное проживание жертв домашнего насилия, их детей, родственников является важным шагом в противодействии домашнему насилию. Эксперты считают необходимым расширять программы развития знаний и навыков для женщин — жертв домашнего насилия. Комплексная юридическая, психологическая, социальная, медицинская помощь должна предоставляться жертвам домашнего насилия бесплатно. Как подчеркивают эксперты, законодательство в сфере профилактики домашнего насилия требует изменений в самое ближайшее время. Государственная поддержка должна оказываться

организациям, занимающимся защитой прав жертв домашнего насилия.

Заключение

В России в период объявления режима самоизоляции значительно увеличились случаи домашнего насилия, что подтверждается публикациями в СМИ и официальными данными. Проведенное эмпирическое исследование показало, что домашнее насилие, принимая формы от физического, сексуального, психологического насилия до экономической и социальной изоляции и пренебрежения нуждами, наиболее проявилось в период пандемии COVID-19.

Среди причин увеличения насильственных действий в семье следует назвать «вынужденную изоляцию», «нахождение в закрытом пространстве (квартиры, дома)», «ухудшение экономического положения семьи», «потерю работы», «противоречивую информацию о пандемии», «растерянность, непонимание ситуации», «состояние, близкое к панике».

В период пандемии жертве домашнего насилия обратиться за помощью напрямую затруднительно: личный прием граждан в период изоляции был приостановлен, многие больницы ограничили оказание плановой медицинской помощи. Кроме того, в Российской Федерации практически отсутствуют координационные центры быстрого реагирования на сообщения о фактах домашнего насилия.

Установлено, что ситуация пандемии обострила проблему профилактики домашнего насилия. Согласно результатам исследования, некоторая часть (8%) опрошенных женщин вообще впервые столкнулись с проявлениями домашнего насилия именно в период принятия противопандемических мер.

Учитывая социальную значимость профилактики домашнего насилия, отметим необходимость совершенствования нормативно-правовой базы в данной области, а также необходимость координации усилий государства и общества по противодействию насилию в семье.

Исследование не имело спонсорской поддержки.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Генсек ООН сообщил о вспышке домашнего насилия на фоне пандемии COVID-19. Режим доступа: <https://rg.ru/2020/04/06/gensek-oon-soobshchil-o-vspyshke-domashnego-nasilii-na-fone-pandemii-COVID-19.html>
2. Указ Президента Российской Федерации от 02.04.2020 № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru>
3. Островский Д. И., Иванова Т. И. Влияние новой коронавирусной инфекции COVID-19 на психическое здоровье человека (обзор литературы). *Омский психиатрический журнал*. 2020;2-1S(24):4—10.
4. Интервью РИА Новости Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Т. Москальковой. Режим доступа: <https://ria.ru/20200505/1570953246.html> (дата обращения 01.09.2020).
5. Елфимов П. В., Виноградова О. П. Насильственные преступления на почве семейно-бытовых конфликтов: проблемы первоначального этапа расследования. *Вестник Уральского юридического института МВД России*. 2020;(2):30—5.

COVID-19

6. Голубева Н. В., Иванов Д. В., Троицкий М. С. Панические расстройства во внутрисемейных отношениях, как последствия воздействия коронавирусной инфекции (обзор литературы). *Вестник новых медицинских технологий. Электронное издание*. 2020;(2):32—8.
7. Качурова Е. С. Виктимологическое предупреждение криминальной агрессии в семье при соблюдении режима самоизоляции. *Пролог: журнал о праве*. 2020;(2):60—4.
8. Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (Стамбул, 11 мая 2011 г.). Режим доступа: <https://www.coe.int/ru>
9. Антонян Ю. М. Причины насилия в семье. *Пенитенциарная наука*. 2020;14(2):168—76.
10. Колесова А. С. Виды и формы насилия в семье. *Законность и правопорядок в современном обществе*. 2010;2(1):203—10.
11. Белова О. Н., Акутина С. П. Женское насилие в семье как социальная проблема. *Социодинамика*. 2019;(3):18—26.
12. Корзун И. Г. Бытовое насилие в отношении женщин. *Государственная служба и кадры*. 2019;(3):128—30.
13. Борисов С. Н., Волкова О. А., Бессчетнова О. В., Доля Р. Ю. Домашнее насилие как фактор нарушения социального и психического здоровья. *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2020;28(1):68—73.
14. Быховец Ю. В., Дан М. В. Эмоциональное насилие с точки зрения теории привязанности и системной семейной психотерапии. *Мир науки. Педагогика и психология*. 2019;6(7):12—8.
15. Саламова С. Я. Домашнее насилие в современной России: общая характеристика. *Lex Russica*. 2018;9(142):129—38.
16. Нигматуллин М. Р. Домашнее насилие как причина поведения до самоубийства. *Виктимология*. 2020;2(24):19—26.
17. Проект Федерального закона № 1183390-6 «О профилактике семейно-бытового насилия (внесен на рассмотрение 28.09.2016) Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 05.09.2020).
18. Швабауэр А. В. Угрозы и истоки законопроекта о профилактике семейно-бытового насилия. *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. 2020;1(56):14—23.
19. Ловцова Н. И., Зайцев Д. В. Насилие в семье или насилие над семьей. *Журнал исследований социальной политики*. 2018;3(16):529—36.
3. Ostrovsky D. I., Ivanova T. I. Influence of the new COVID-19 coronavirus infection on human mental health (literature review). *Omskiy psikhiatricheskii zhurnal = Omsk Psychiatric Journal*. 2020;2-1S(24):4—10 (in Russian).
4. Interview with RIA Novosti Commissioner for human rights in the Russian Federation T. Moskalkova. Available at: <https://ria.ru/20200505/1570953246.html> (accessed 01.09.2020) (in Russian).
5. Elfimov P. V., Vinogradova O. P. Violent crimes on the basis of family and domestic conflicts: problems of the initial stage of investigation. *Vestnik Uralskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 2020;(2):30—5 (in Russian).
6. Golubeva N. V., Ivanov D. V., Troitsky M. S. Panic disorders in intra-family relationships as consequences of exposure to coronavirus infection (literature review). *Vestnik novykh meditsinskikh tehnologij. Electronnoe izdanie*. 2020;(2):32—8 (in Russian).
7. Kachurova E. S. Victimological prevention of criminal aggression in the family while observing the self-isolation regime. *Prolog: zhurnal o prave*. 2020;(2):60—4 (in Russian).
8. Council of Europe Convention on preventing and combating violence against women and domestic violence (Istanbul, 11 may 2011). Available at: <https://www.coe.int/ru>
9. Antonyan Yu. M. Reasons for domestic violence. *Penitentiarnaya nauka*. 2020;14(2):168—76 (in Russian).
10. Kolesova A. S. Types and forms of violence in the family. *Zakonnosn i pravoporyadok v sovremennom obchestve*. 2010;(2-1):203—10 (in Russian).
11. Belova O. N., Akutina S. P. Female violence in the family as a social problem. *Sotsiodinamika*. 2019;(3):18—26 (in Russian).
12. Korzun I. G. Domestic violence against women. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry = Public service and personnel*. 2019;(3):128—30 (in Russian).
13. Borisov S. N., Volkova O. A., Besschetnova O. V., Dolya R. Yu. Domestic violence as a factor of social and mental health disorders. *Problemy sotsialnoi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*. 2020;(1):68—73 (in Russian).
14. Bykhovets Yu. V., Dan M. V. Emotional violence from the point of view of attachment theory and systemic family psychotherapy. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya = World of Science. Pedagogy and Psychology*. 2019;6(7):12—8 (in Russian).
15. Salamova S. Ya. Domestic violence in modern Russia: General characteristics. *Lex Russica*. 2018;9(142):129—38 (in Russian).
16. Nigmatullin M. R. Domestic violence as a reason for bringing to suicide. *Victimologiya*. 2020;2(24):19—26 (in Russian).
17. Draft Federal law No. 1183390-6 «On prevention of family and domestic violence» (submitted for consideration on 28.09.2016). Available at: <http://www.consultant.ru> (accessed 5.09.2020) (in Russian).
18. Shvabauer A. V. Threats and origins of the draft law on prevention of domestic violence. *Criminologiya: vchera, segodnya, zavtra*. 2020;1(56):14—23 (in Russian).
19. Lovtsova N. I., Zaitsev D. V. Domestic Violence or violence against family. *Zhurnal issledovnij sotsialnoi politiki*. 2018;3(16):529—36 (in Russian).

Поступила 12.07.2020
Принята в печать 29.10.2020

REFERENCES